

acja przedstawia się w relacji wiara – nauka. Z. Stachowski wskazuje na encyklikę *Fides et ratio* jako dzieło, próbujące zniwelować coraz większą przepaść między wiarą i rozumem. Nasuwa się konkluzja: kultura bez religii, tak jak filozofia bez teologii, w koncepcji Jana Pawła II jest jedynie żalonym fragmentem.

Omówione powyżej artykuły, są jedynie częścią recenzowanej książki, mam nadzieję, że oddają ducha i charakter całości. *Człowiek i kultury* to pozycja, która bez wątpienia powinna znaleźć się w biblioteczkach każdego humanisty, nie tylko religioznawcy czy zawodowego filozofa. Rozpiętość tematyczna,

różnorodność problemów, obiektywne i rzetelne ich opracowanie, to niewątpliwy atut niniejszej książki. Lektura ta przynosi świeżość intelektualnego spojrzenia na tematy, które wydawałoby się, że uszły w przeszłość. Nic bardziej błędnego. *Człowiek i kultury* to książka, która przypomina nam o głębi zagadnień kulturowych i szerokości ich perspektyw. W kulturze, wciąż na czoło problemów wysuwa się jednostka ludzka, człowiek, jawiący się jako twórca kultury a zarazem rozplywający się w jej trwaniu. Innym razem, kultura jawi się jako „czas”, który tworzy człowieka. *Człowiek i kultury* problematykę tę nam przybliży i w pewnym stopniu odsłania.

Анатолий Г. Тихолаз

Интегральный взгляд на социологию культуры

Integralne spojrzenie na socjologię kultury

Cz. Gryko, *Integralna teoria kultury Pitirima A. Sorokina*,
Wyd. UMCS, Lublin, 2000

Сначала считаю необходимым объяснить читателю смысл подзаголовка. Должен сознаться, что называю (и рассчитываю на взаимность) автора книги «Интегральная теория культуры Питирима А. Сорокина» Чеслава Грыко своим другом. Это обстоятельство способно вызвать у чи-

тателя обоснованные сомнения в «объективности» моей оценки его работы. Действительно, друзей выбирают не за их литературную продукцию и очень легко перенести чувства, испытываемые лично к автору, на его произведение. Моя же любовь к автору никого не интересует – именно поэтому я, как

правило, не пишу публичных отзывов на книги моих друзей и надеюсь, что они за это на меня не в обиде.

Есть, однако, еще одно обстоятельство, удерживающее от рецензирования литературной продукции друзей. Отношение к другу не зависит от качества того, что он пишет, да и от того, пишет ли он вообще. Поэтому часто приходится оказываться примерно в такой ситуации. Представьте, что друг пригласил вас на премьеру его пьесы в театр. К концу спектакля вы окончательно убеждаетесь, что это – полный провал. При первых жидких аплодисментах вы пытаетесь незаметно выскользнуть из зрительного зала, и первый человек, которого вы встречаете в гардеробе – ваш приятель-драматург. Вы бормочете, что его пьеса гениальна и радуетесь, что вас никто не слышит. Неужели маленькая «ложь во спасение» не является ценой, которую можно заплатить за сохранение большой дружбы? Часто, спасая дружбу, мы говорим неправду о книгах друзей, и эта неправда остается тайной для окружающих, ведь тиражировать ее нас никто не заставляет. Но что делать в том случае, если друг написал действительно хорошую книгу? Если дружба не дает оснований публично лгать, то запрещает ли она говорить правду? Является ли дружба «поражением в правах», лишаящим друга права голоса

в оценке написанного близким ему человеком? Я уверен, что – нет. Во всяком случае, себя я этого права лишать не собираюсь. Но в то же время я не собираюсь лишать читателя права сомневаться в моей «объективности», хотя, чем старше я становлюсь, тем менее понятным для меня становится смысл этого слова. Поэтому я и не пытаюсь изображать свои соображения по поводу книги Чеслава Грыко рецензией, претендующей на научную беспристрастность. Я – читатель пристрастный и не думаю этого скрывать.

Признаюсь, что открывая книгу Чеслава Грыко, я испытывал огромное волнение, не придется ли и мне «дудирать с премьерь»: уж слишком отчетливо я представлял, с задачей какой сложности он решил справиться. Каково же было мое облегчение, когда я понял, сколь неосновательны были мои опасения: я лишний раз убедился в том, что можно провести в компании человека многие часы (занятые, естественно не разговорами о Питириме Сорокине) и, тем не менее, знать его далеко не достаточно. А трудности на его пути были огромными. Написанное в Польше о Сорокине было близко к нулю. Немногим более было написано о нем и в России к тому времени, когда Чеслав Грыко приступил к своей работе. Следовательно, ему предстояло вспахать практически нетронутую ниву. Но самым сложным в его случае, на мой взгляд, было не это. Моя

осведомленность об объемах (это слово хочется писать с большой буквы) написанного Сорокиным по-русски и, в первую очередь, по-английски, вызывала большие сомнения относительно того, удастся ли в этом случае реализовать, казалось бы, элементарное требование исследовательской работы, а именно, прочитать все, что было написано тем, о ком ты собираешься писать. Чтобы стало понятно, о чем идет речь, процитирую книгу: «Питирим А. Сорокин является автором ок. 40 томов работ и ок. 1000 статей, рецензий, обзоров, из которых более 100 исследований, конституирующих его систему, публиковавшихся в серьезных научных периодических изданиях» (с. 37). Казалось невероятным, что существуют люди, не только способные столько написать, но и попросту способные столько прочитать. Уверен, что именно этим обстоятельством объясняется дефицит обобщающих исследований творчества Питирима Сорокина. С этой почти сверхчеловеческой задачей автор справился, причем поражает не только то, *что* он сделал, но и то, *как* ему это удалось. А сделал он это при помощи Отдела Межбиблиотечного Обмена Главной Библиотеки UMCS (см.: с. 10)! Это звучит почти анекдотично. Как бывший проректор университета могу сказать, что о таких научных Дон Кихотах университетское начальство может только

мечтать: сегодня для реализации такой исследовательской задачи ученый имел все основания требовать, как минимум, двух научных командировок – в Россию (можно ненадолго) и в США (обязательно – надолго).

Другой источник для беспокойства относительно успеха научного предприятия Чеслава Грыко был связан как раз с хорошо мне известными чертами его личности. Ведь я знал, что он – человек, отличающийся крайней тщательностью в научной работе, вниманием к деталям, дотошностью, граничащей с педантизмом. Это человек, записная книжка которого представляет собой кусочек картона размером со спичечный коробок, заполненный микроскопическими буквами и цифрами, прочесть которые он сам может, только сняв очки. Что же произойдет, когда человек с таким характером возьмется за изучение Монблана из книг, созданного Питиримом Сорокиным? Сколько времени займет это чтение десятков тысяч страниц под микроскопом?! Сегодня, когда работа успешно завершена, я дарю право ответа на этот вопрос тем, кому могло показаться, будто над своей книгой Чеслав Грыко работал слишком долго...

Наконец, еще об одном опасении. Учитывая особенности стиля научной работы Чеслава Грыко и сложность, а, главное, объем исследуемого материала, существовала угроза того, что в результате будет создана «глу-

боко научная», но *скучная* книга. Слава Богу, этого не произошло, и читается книга на одном дыхании. Причины этого сочетания серьезности анализа с увлекательной формой изложения, на мой взгляд, тоже коренятся в особенностях личности автора. Чеслав Грыко занимается только тем, что ему интересно, он обращается к наследию лишь тех мыслителей, с которыми ощущает конгениальность, наличие своеобразного духовного резонанса. Думаю, я не ошибусь, если скажу, что его работа над Пителимом Сорокиным одновременно была и своеобразной работой над собой. Работа написана по-сорокински: если мне простят невольную игру слов, можно сказать, что она являет собой интегральный взгляд на интегральную теорию культуры Пителима Сорокина. Чеслав Грыко (по собственному определению) — историк идей, и именно его способность к идейному (в платоновском смысле этого слова, т.е. синтетически-целостному) проникновению в суть исследуемого предмета обусловила успех его научного предприятия. В результате его работа незаменима для читателя, желающего получить целостное представление о теоретическом наследии Пителима Сорокина, но, в то же время, перед нами — не популярная брошюра, и специалист откроет для себя много нового.

В первую очередь это, конечно, касается посвященной систематическому изложению интегральной теории второй части книги, ценность и новизна которой несомненны. Учитывая то, что взгляды Сорокина претерпели серьезную эволюцию, автору пришлось сочетать историко-генетический подход с систематическим проблемным, с безусловным доминированием последнего. Вторая часть работы являет собой своеобразную систематическую реконструкцию сорокинского наследия в его культурологической части. Однако мне хотелось бы отметить и безусловные достоинства, отличающие первую часть работы. Я, как исследователь русской философии, с приятным удивлением узнал из нее много нового относительно «русского периода» творчества Сорокина, исследование которого представляло большую трудность не только из-за необходимости упорядочивания значительного (но при этом часто недостаточного) биографического материала, но и преодоления некоторых мифов, созданных вокруг биографии Сорокина, созданных, кстати, не без его собственного участия. И здесь перед нами еще одно достоинство исследования Чеслава Грыко: ему очень нравится Сорокин, мне это известно фактически, это становится понятным и при чтении его книги. Но при этом он ни на минуту не утрачивает критического отношения к своему любимцу, и менее всего

склонен «сотворять из него кумира». Заканчивая свою книгу, Чеслав Грыко пишет: «Не думаю, что кто-нибудь особенно растрогался от моего признания, что ни один современный мыслитель не произвел на меня такого впечатления, как Сорокин» (с. 221). Честно говоря, я тоже не разрыдался и не очень понимаю, почему такие признания должны трогать до слез (*wzruszać aż do łez*), но не остановиться на этом признании я не могу, ибо с ним связано последнее достоинство книги, о котором я хотел бы сказать. Книга Чеслава Грыко – менее всего работа по истории социологии в узком смысле этого слова. Она написана живым приверженцем идей Питирима Сорокина и пронизана не стремлением к ретроспективному воссозданию предмета, канувшего в прошлое, но мощным перспективным па-

фосом преобразования социологии культуры на началах систематического интегрализма. Тем самым, как я надеюсь, она закладывает фундамент для новых исследований, по отношению к которым интегральная теория культуры Питирима Сорокина сыграет роль стратегического первообраза.

У читателя, не поверившего сказанному мной вначале, и ожидающему от меня «рецензии», может возникнуть вопрос: не считаю ли я работу Чеслава Грыко лишенной недостатков? По этому поводу могу лишь напомнить: я не оппонент на защите диссертации и не официальный рецензент. И это избавляет меня от необходимости «выискивать блох» в работе для обнаружения недостатков, которых а *progi* не может не быть. Я свободен от этого и искренне рад, что в этом случае мог позволить себе публично сказать правду.

Jacek Breczko

Singer w krzywym zwierciadle psychoanalizy

Зингер в кривом зеркале психоанализа

J. Hadda, *Isaac Bashevis Singer, historia życia*,
Wyd. Lit. MUZA, Warszawa 2001

Książka Janet Hadda, *Isaac Bashevis Singer, historia życia* to biografia jednego z najwybitniej-

szych pisarzy XX wieku, wybitnego myśliciela i wspaniałego człowieka. Muszę przyznać, że był on jednym